

Научная статья
УДК 159.9.01
DOI: 10.20323/1813-145X-2025-3-144-160
EDN: BHRTCE

Психология творчества Я. А. Пономарева: поэтика примечаний

Александр Викторович Марков

Доктор филологических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет. 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6;
Профессор кафедры русской и зарубежной филологии, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. 600000, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 87
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Аннотация. Психология творчества Я. А. Пономарева – один из самых убедительных проектов культурно-исторической психологии в СССР, обогативший педагогику представлением о фазовой структуре творческого акта. В этой статье мы исследуем то, как его рассуждения о специфической человеческой природе творчества смогли достичь необходимой непротиворечивости благодаря системе примечаний. В науке истинное знание часто концентрируется не в сглаженном текстовом изложении, в котором всегда отдается некоторая дань культурным условностям и социальным механизмам порождения и рецепции текста, но в таблицах, схемах, графиках и других внетекстовых образованиях, которые и являются итогом исследования. В советской науке, связанной как идеологическими обязательствами, так и ограничениями производства (от состояния фондов библиотек до директивных сокращений объемов публикации), основной текст мог в некоторых случаях не столько производить истину, сколько представлять ее производство, давать отчет о производстве или его витрину. Тогда примечание оказывается не просто заметкой или оговоркой, но способом прямо высказать то, что думается, совершить поступок высказывания. Такие примечания нельзя свести ни к оговоркам вроде фрейдистских, или неконтролируемому подтексту, ни к уточнениям. Скорее, это размыкание общей косной структуры текста при видении открытия, в акте восприятия открытия, который требуется сразу зафиксировать. Анализ поэтики примечаний позволил выявить антиредукционистский потенциал психологии творчества Я. А. Пономарева, который может быть воспринят в современной педагогике.

Ключевые слова: Яков Пономарев; психология творчества; философия творчества; примечание; научная истина; научная индустрия; креативность

Для цитирования: Марков А. В. Психология творчества Я. А. Пономарева: поэтика примечаний // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 3 (144). С. 160–168. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-3-144-160>. <https://elibrary.ru/BHRTCE>

Original article

The psychology of creativity by Ya. A. Ponomarev: the poetics of footnotes

Alexander V. Markov

Doctor of philological sciences, candidate of philosophical sciences, professor at the department of cinema and contemporary art, Russian state university for the humanities. 125047, Moscow, Miusskaya square, 6;
Professor at the department of russian and foreign philology, Vladimir state university named after A. G. and N. G. Stoletovs. 600000, Vladimir, Gorky st., 87
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Abstract. The psychology of creativity by Ya. A. Ponomarev is one of the most compelling projects in Soviet cultural-historical psychology, enriching pedagogy with the concept of the phase structure of the creative act. In this article, we explore how his reasoning about the specifically human nature of creativity achieved the necessary consistency through a system of footnotes. In science, true knowledge often resides not in the polished textual exposition, which always pays some tribute to cultural conventions and social mechanisms of text production and reception, but in tables, diagrams, graphs, and other non-textual elements that constitute the research outcome. In Soviet science, bound by both ideological obligations and production constraints (from library holdings to mandated publication cuts), the main text in some cases did not so much produce truth as stage its production, provide an account of it, or display it. Thus, a footnote becomes not

just a note or a caveat but a way to directly express one's thoughts, an act of utterance. Such footnotes cannot be reduced to Freudian slips, uncontrolled subtext, or mere clarifications. Rather, they are a rupture of the rigid textual structure upon encountering a discovery, in the act of perceiving it, which must be immediately recorded. The analysis of the poetics of footnotes reveals the anti-reductionist potential of Ya. A. Ponomarev's psychology of creativity, which can be adopted in contemporary pedagogy.

Key words: Yakov Ponomarev; psychology of creativity; philosophy of creativity; footnote; scientific truth; research industry; creativity

For citation: Markov A. V. The psychology of creativity by Ya. A. Ponomarev: the poetics of footnotes. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (3): 160-168. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-3-144-160>. <https://elibrary.ru/BHRTCE>

Введение

Яков Александрович Пономарёв (1920–1997) – выдающийся советский психолог, создавший особое учение о соединении творчества, мышления и интуиции в единой энергии действия. Без его имени немыслима культурно-историческая психология в таких ее аспектах, как объяснение начальной ситуации отношения человека к культуре, равно как и признание не-сводимости творчества к отдельным эвристическим решениям, даже самым инновационным. Как показали недавние наукометрические анализы [Рубцов, 2019; Галкина, 2022], понятие о психологии творчества стало неотделимым от имени ученого, но представление о его психологии творчества как общей теории творчества или творческих процедур еще недостаточно освоено. Это говорит о преобладании практико-ориентированных работ, ориентирующихся на достижения Пономарева, иначе говоря, о принятии его психологии творчества как совокупности практических оценок происходящего в мире личности, что необходимо для решения воспитательных и образовательных задач или развития профессионального креативного мышления [Козьяков, 2023].

Литература, в которой психология творчества успешно применяется, уже необозрима: это и работы его учеников, и многочисленные практико-ориентированные труды по педагогике. Непротиворечивость идей Я. А. Пономарева на всех этапах практического применения их в педагогике доказана [Попов, 2016]. Но задача данной работы медиатеоретическая – показать, как именно способы бытования текстов связаны со способом представления наиболее острых сторон мысли ученого. Иначе говоря, по отношению к советскому научному производству должна быть проделана медиатеоретическая работа, уже проделанная по отношению к самиздату НТР [Марков, 2021] и философскому самиздату [Марков, 2022]. Мы исходим из гипотезы, что тексты, которые

предназначались для печати в социально-гуманитарных науках советского времени, имели ряд институциональных и дискурсивных свойств. Кратко эти свойства можно обозначить так:

Выбор аудитории не самим автором, а издательством — даже если автор пишет для коллег, имея в виду определенную лабораторную работу и развитие его идей внутри конкретных институций, книга определяет дидактико-пропедевтический характер изложения. Вне зависимости от издательства, сам способ производства книг, включая отбор и редакторскую подготовку, подразумевал такое развертывание научного текста к аудитории, которая должна была воспринять и легитимировать эти идеи еще до их проверки в ходе эксперимента. В каком-то смысле книга и становится телом советской науки, как своеобразная мембрана, граница натяжений и напряжений мысли в позднейшей киберкультуре [Штайн, 2010].

Дискурсивность основных полученных научных результатов – даже если в книге широко используются таблицы, схемы, статистические данные, графики, алгоритмы, чертежи, все эти способы представления оказываются вспомогательными по отношению к тексту, усвоение которого и признается усвоением истины. Это соответствует как школьной практике, где достоверное знание в области социально-гуманитарных наук отождествляется с умением рассказать, пересказать, сказать у доски, вернуть учителю его слова и т. д. – так и отечественной версии структурализма Тартуско-Московской школы, где не только естественный язык, но и метаязык дискурсивен, и выйти за пределы этой дискурсивности можно только в специальных антиредукционистских моделях, таких как модель семиосферы Ю. М. Лотмана [Лотман, 1984].

Результаты открытий, полученных в области социальных наук, индивидом, школой или лабораторией, не внедряются через непосредственную коммуникацию, например, через регулярные журналы или препринты – журналы и сборники

имеют вспомогательное значение, тогда как внедрение обеспечивается машинами координации [Орлова, 2023], от бюрократических структур до различных конференций, семинаров и совещаний, которые заимствуют форму бюрократического производства. Эти машины координации блокируют непосредственную передачу формул от одной инстанции научного производства к другой [Орлова, 2016].

Все эти три сюжета, хотя не изучались систематически, имелись в виду в работах о том, как советское научное производство выходило на границы текста, например, в работах о кибернетической компенсации слепоты [Котомина, 2020; 2021], о конструировании идентичности рабочего класса [Енина, 2020], о производстве научно-популярной продукции для научных работников (включая проблематизацию паранормального) [Кукулин, 2017] и многих других работах по истории советской науки. На эти работы мы и опираемся, когда говорим о дискурсивных фильтрах советской науки, которые всякий раз брали верх над формулами, требующими непосредственного применения. Это говорит и об ограничениях науковедческих моделей, таких как модели Дэвида Блура или Бруно Латура [Моркина, 2008], применительно к советским практикам. Предлагаемая статья станет пусть скромным, но вкладом в разработку нового науковедения советской науки в аспекте изучения примечаний, что потребует в ближайшее время и использования методов больших данных.

Благодаря публикации итоговой работы Я. А. Пономарева «Перспективы развития психологии творчества» [Пономарев, 2006] мы получили возможность проследить, как примечания служат не столько пояснению сказанного или ограничению сказанного, но напротив, постоянному движению ко всё более прямому высказыванию.

Результаты исследования

Напомним основные положения психологии творчества Я. А. Пономарева [Пономарев, 1976]. Согласно Пономарёву, к творчеству способны все, так как творчество оказывается одной из закономерностей, гомологичной мышлению и интуиции как тоже закономерностям развития. Если излагать его теорию совсем просто, то он различал дискурсивное мышление, то есть соблюдение правил, и недискурсивное мышление, непознаваемое, интуитивное, связанное с внезапными озарениями.

Такое различие напоминает известный опыт Нильса Бора с pistolетами [Казимир, 1967, с. 192]. Он утверждал, что ситуация в кино, где протагонист перестреливает всех своих противников, так что они не успевают застрелить его – до сих пор это один из распространенных штампов боевиков – как раз вполне достоверна. Ведь протагонист механизировал себя, действует автоматически, сразу, не задумываясь, иначе какой он герой. Он даже пытался проверить это экспериментально на игрушечных pistolетах. В России Ф. Ф. Зелинский настаивал на том, что гомеровские герои действуют не задумываясь, что сказывается и на заполнении нарратива только действиями [Зелинский, 1896]. По сути, интуиция и оказывается первым переключением к действию, за которым и следует выстрел деятельности.

Творчество, согласно Пономареву, возникает на стыке этих форм мышления. После накопления опыта происходит скрытая переработка, включающая в себя неожиданные, мгновенные ассоциации. Потом эта неосознанная работа мозга выходит на поверхность, как вспышка, как некоторый экран принятия решений, и затем замысел дорабатывается логически. То есть за дискурсом опыта приходит скрытая ассоциативность, вдруг становящаяся явной и вызывающая опять к дискурсивному опыту. Из этого следовало, что нестандартные задачи, например, остроумные головоломки, каламбуры, ребусы, приводят к решению задач, которые прежде не имели решения. Это, конечно, больше всего напоминает «мозговой штурм» в англосаксонской традиции, – тем отличием, что он происходит в одной голове, а не во многих, связанных как бы в (нейро)сеть.

Сам Пономарев в итоговой работе так определяет эти этапы и доминирующие механизмы переключения от одного к другому на каждом этапе:

«Первый этап (сознательная работа) – подготовка – особое деятельное состояние, являющееся предпосылкой для интуитивного проблеска новой идеи.

Второй этап (бессознательная работа) – созревание – бессознательная работа над проблемой, инкубация направляющей идеи.

Третий этап (переход бессознательного в сознание) – вдохновение – в результате бессознательной работы в сферу сознания поступает идея изобретения, открытия, вначале в гипотетическом виде.

Четвертый этап (сознательная работа) – развитие идеи, ее окончательное оформление и проверка» [Пономарев, 2006, с. 181].

В отличие от Тьюринга, традиция Выготского и Леонтьева (вообще, советской культурно-исторической психологии) как раз позволяет однозначно определить сознание и интеллект. По А. Н. Леонтьеву (интересно, что книга Леонтьева и книга Пономарева имеют одинаковое число страниц, что для нашей медиатеории немаловажно), «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [Леонтьев, 1975, с. 167]. Функция сознания тогда состоит в том, чтобы субъект мог действовать на основе возникающего субъективного образа, реминесцентно [Моркина, 2024] (Ю. С. Моркина даже приходит к выводу о некоторой неистребимости реминесцентного сознания, которое будучи раз определено, никуда не исчезает).

Культурно-историческая психология использует ряд зияний между состояниями восприятия и действия, благодаря чему определение сознания и интеллекта не будет противоречить не только известным фактам, но и фактам, которые будут открыты в будущем. Но это как раз означает, что примечания должны намекать на такие факты, которые будут открыты в будущем. Тогда все эти переключения будут не просто результатом тех доминирующих действий сознания, которые отмечаются в ходе экспериментов, но непосредственным продолжением действия сознания. Можно сравнить это с широким использованием примечаний другими ведущими гуманитариями того же времени, например, С. С. Аверинцевым, где как раз примечания указывали на возможность не просто изучать завершённые культуры, но понимать, что диалектика культуры в настоящем и будущем не будет противоречить результатам такого изучения. Но это – тема отдельного исследования.

В основном тексте Пономарев говорит о переключениях как о факте, тогда как в примечаниях проговаривается о скрытых механизмах таких переключений. Таким оказывается важнейшее примечание о дальности действия в физике: «В физике долгое время господствовала теория “дальности действия”, допускающая мысль о том, что тела способны воздействовать друг на друга на расстоянии, через пустое пространство. Согласно данной теории, действия эти могут передаваться от тела к телу мгновенно. Дальнейшее

развитие физики привело к отказу от старых воззрений. Было доказано, что всякое воздействие одного тела на другое передается от точки к точке с конечной скоростью. Стальной шарик, падая на кафельный пол, казалось бы, мгновенно отрывается от него и направляется вверх. Однако падение и подъем разделены некоторым микроинтервалом времени, который необходим как для перестройки внутренней структуры шарика, так и того места пола, с которым он соприкасается. Подскакивание шарика вверх есть эффект такой перестройки структуры обоих компонентов взаимодействующей системы. Известно также, что даже самый чувствительный гальванометр обладает некоторым моментом инерции, то есть для того, чтобы прибор прореагировал на посланный в него электрический ток, необходим некоторый промежуток времени – “скрытый период” действия. Подобные явления связаны со всеми формами инерции» [Пономарев, 2006, с. 154].

Тогда перестройка не сводима к системе реакций, это невозможно было бы описать в основном нормативном тексте, где изучаются стимулы и реакции (что могло бы вызвать обвинение в эмпириокритицизме, отвергнутом Лениным), но возможно в примечаниях. Описание задержек могли бы счесть нарушением условной павловской рефлексологии или ленинской критики эмпириокритицизма – но в примечании просто указывается как будто на ситуативную диалектику науки. При этом в основном тексте применяется «прием идеализации», который по сути не есть даже обобщение – просто этот прием позволяет ввести полностью метафорическое описание системных исследований, и тем самым оправдать некоторый формалистский поворот: «Однако пользуясь приемом идеализации, среди множества направлений (ветвей) системных исследований, системного подхода, можно выделить две предельные ветви:

- 1) конкретно-синкретическую, где преобладающим оказывается формальный момент, и
- 2) абстрактно-аналитическую, где преобладающим оказывается содержательный момент.

Эти полярные ветви не исключают одна другую. Наоборот, они как полюсы магнита дополняют друг друга: характеристики этих ветвей – неразрывно связанные полюса единого монолита.

Конкретно синкретическая ветвь направлена на непосредственное изучение систем конкретных вещей и явлений. Здесь в едином формальном плане рассматривается множество связей, каждая из которых в содержательном плане мо-

жет осуществляться согласно различным по качеству законам. Конкретно-синкретическая ветвь направлена на построение абстрактно-математических моделей конкретных вещей и явлений, но не качественно своеобразных законов, которым подчиняются взаимодействия этих вещей и явлений» [Пономарев, 2006, с. 156].

Конечно, все эти метафоры, такие как «ветви», «полюсы», «монолит», должны нейтрализовать связь моделирования и формализма. Если эта связь может быть разорвана в точных науках, то в психологии, в той мере, в которой она относится к социально-гуманитарным наукам, такой разрыв до конца состояться не может. Но в основном тексте можно описывать этот несостоявшийся разрыв как указание на границы дисциплин, то есть указать на дисциплинарную логику. Тогда как метафоры обеспечивают общую дискурсивность и тем самым оберегают дисциплинарную логику от обвинений в формализме.

Но при этом в основном тексте невозможно было указать на итоги моделирования, чтобы не быть обвиненным в некотором идеализме. Пономарев выделяет пятый этап творчества, который мы бы назвали «нормализацией». Сноска устанавливает тождество терминов «программирование» и «регентирование» для этого этапа: «Этапом “программирования” здесь назван пятый этап; в другом месте этот же этап назван этапом “регентирования”» [Пономарев, 2006, с. 184]. Как мы видим, в основном тексте эти слова выглядят как часть практической психологии, как некоторое описание практических экспериментов и выводов из них. Тогда как их отождествление – уже теоретическая амбиция, которая потребовала бы дополнительной систематизации терминологии в основном тексте, при учете существующих терминологических фильтров и идеологий.

Если бы тождество было бы эксплицитно установлено в тексте, тогда можно было бы обвинить в том, что нарушается теория отражения, что возможно обеспечить психическую жизнь на основании отработанных способов действия, регулятивных норм. Тогда как при терминологической неточности слова «программирование» и «регентирование» могут восприниматься в основном тексте как метафоры, как указание, описание некоторого поведения психики, не противоречащего отражению – да, отражение сработало, в том числе, как программа. А в примечании отождествление работает как именно раскрытие методологии, где творчество имеет черты

самоорганизации личности, и что только изнутри этой практической самоорганизации мы можем непротиворечиво определять сознание и впредь, не боясь, что какие-то новые данные о сознании, которые откроют точные науки, опровергнут наше непротиворечивое определение сознания в культурно-исторической психологии.

Еще два замечательных примечания — одно из них касается чувственности животных: «В современной сравнительной психологии этот вопрос остается еще спорным. Видимо, относительно животных правильнее говорить о зачатках способности к использованию внешних моделей в качестве сигналов. Эти зачатки по степени своей сформированности должны соответствовать зачаткам орудийной деятельности животных. Те основания, которые нередко выдвигались в зоопсихологии для доказательства противоположного тезиса, по-видимому, иллюзорны. Любой сигнальный жест дрессировщика есть не модель будущего поведения животного, а сжатый элемент исходной ситуации дрессировки; то же самое следует сказать относительно слуховой, тактильной и прочих сигнализаций. Ищейке бессмысленно показывать портрет преступника. Гончая не пойдет по отпечаткам лап зверя на снегу, если отпечатки лишены запаха» [Пономарев, 2006, с. 209].

Здесь ключевой термин – «исходная ситуация», выражение, которое стало термином в системно-мыследеятельностной методологии Г. П. Щедровицкого [Щедровицкий, 1983]. Щедровицкий противопоставляет исходную ситуацию решениям, которые принимаются на уровне деятельности или мысли. То есть это означает, что дрессировщик не может научить совершать поступки, но может вернуть только к этой исходной ситуации. Об этом запись Бибикина об Аверинцеве, как Аверинцев, на Рождество 1986 года сетуя на то, что идеология превратилась в насильственную дрессировку речевых и умственных навыков, что критического марксизма не возникло, рассказывает анекдот о владельце попугая, который бил его по голове, чтобы научить попугая говорить «Дядя», а попугай, наказанный ссылкой в курятник, там бил кур по голове со словами «Скажи дядя» [Бибикин, 2004, с. 333]. То есть животное для Пономарева – это как раз не просто дрессируемое существо, но возвращающееся к исходной ситуации, в которой нет творчества, к сжатому отражению, которое еще не есть деятельность сознания. Но поспорить с ленинской теорией отражения напрямую

было внутри советского производства книг невозможно.

Вопрос о том, как животное воспринимает репрезентацию, Я. А. Пономарев ставил в «Психологии творчества» так: «Известны случаи, когда животным (медведям, собакам, тиграм, обезьянам) демонстрировались кинофильмы с соответствующим для данных животных сюжетом: на экране появлялись их сородичи и враги, лакомая пища и т. п. Хотя подобного рода опыты и не были строго научно выдержаны и обработаны, на их основании все же можно считать, что звери, в том числе и высшие обезьяны, в лучшем случае принимают изображение за оригинал и никогда не усматривают в изображении копию оригинала» [Пономарев, 1976, с. 169]. Здесь тоже по сути говорится про ленинскую теорию отражения, что она, если ее применять дискурсивно, будет возвращать нас только к исходной ситуации. При этом, не споря с марксизмом-ленинизмом, Пономарев вполне допускал недискурсивное применение этой теории, например, в виде принятия экрана, то есть наглядной схемы, предшествующей дискурсивным выводам и потому не подчиненной им. В тексте «Психологии творчества» это подчеркнуто условностью кинематографа, который всегда остаточно воспринимался как развлечение: об этом же говорил Нильс Бор [Казимир, 1967, с. 192], что он не может поверить, что во время каскадерской сцены появится кинематографист с аппаратом – шутка Нильса Бора как раз говорит о том, что непротиворечивость знания о физическом мире требует формулы, иногда головокружительной, как то самое появление кинематографиста рядом с каскадером. Тогда как в примечании здесь дается другое, образ сигнализации, то есть в примечании можно говорить о процессах без отсылки к фиксациям или отражениям.

В конце концов, появляется примечание, демонстрирующее понятие материи. Что если убрать строгое понимание мышления, то исчезнет и строгое понимание материи. Это невозможно доказать в основном тексте, так как противоречит догмату о первичности материи, но вполне можно доказывать в примечании, когда это как бы замечание *ad hoc*, и потому не встроено в порядки эксперимента или теоретического рассуждения, подразумевавшиеся советской наукой: «Использование “логического” в качестве примера одной из образующих дает повод обратить внимание на обстоятельство, которое следует иметь в виду при использовании такого

рода понятий. Иногда возникает вопрос: можно ли “логическое” рассматривать как идеализацию? Если полагать, что логическое есть элемент науки логики, то разве логика представляет собой “предельное состояние”? Конечно, логику нельзя отнести к предельным состояниям. Однако “логическое”, несомненно, имеет во всяком случае, два значения: “логическое” как элемент науки логики и “логическое” как образующая процесса мышления в ходе решения творческих задач. В реальности “логическое” как образующая процесса мышления никогда не выступает у человека лишенной интуитивной образующей. Это доказывает специальный анализ научных текстов. За пределами “логического” как образующей лежит “мышление” электронных устройств; однако это иная область реальности. Может ли человек уподобиться компьютеру? Может попробовать (с теми оговорками, которые я уже делал). Однако при этом задача его деятельности существенно изменится: человек будет решать, скажем, не познавательную задачу, а задачу на уподобление компьютеру. Результативное выражение деятельности в конечном итоге может быть идентичным, но процессуальные характеристики не уподобятся; в уподобленную деятельность человека будут вкраплены интуитивные моменты и специальный анализ может их обнаружить. Резкость моего примера значительно возрастет, если с аналогичной целью рассмотреть образующие “материя” и “сознание”: “материя” имеет несколько весьма разных значений; например, материя как реальность и материя как ткань — шерстяная, бумажная и т. п.» [Пономарев, 2006, с. 230]. Мы видим из этой большой цитаты, что оставаясь в пределах марксизма-ленинизма, Пономарев при этом как раз говорит об образующих, предвосхищающих возможное непредсказуемое будущее. По сути, он говорит, что идеализация, предпринимаемая в основном тексте, там служит только эвристической целесообразности рассуждений, тогда как в примечании она дает возможность сохранить учение о сознании, даже если будет создана неинтуитивная цифровая модель сознания. Интуиция все равно будет не потому, что она творческая, но потому что в работе сознания есть зияния, есть расставания с упрощенными моделями сознания — как и материализм расставался с упрощенными, например, механистическими пониманиями материи. Аскетико-физический марксизм-ленинизм Пономарева потребовал как раз этого предвосхищения будущего, которое

дается только примечанию, недискурсивным замечаниям о происходящем, в которых непротиворечивость модели не дает повода говорить об отходе от официальной доктрины. Но модель при этом застаёт человека во всей своей действительности и во всем действии, и обеспечивая творческий ответ на вызовы все более запутанного и при этом гомогенного будущего. Поэтика примечаний оказывается исследовательским инструментом не в меньшей мере, чем лабораторные наблюдения.

Выводы

Теория творчества Я. А. Пономарева предстает в результате исследования как синтез дискурсивного и недискурсивного мышления. Исследование подтверждает, что ключевой вклад Пономарева в психологию творчества заключается в соединении дискурсивного (логического, осознанного) и недискурсивного (интуитивного, бессознательного) мышления. Его модель творчества, включающая четыре этапа (подготовка, созревание, вдохновение, развитие идеи), демонстрирует, что творческий акт возникает на границе между сознательным и бессознательным. Это сближает его идеи с концепцией «мозгового штурма», но с важным отличием: у Пономарева творчество – это внутренний процесс, происходящий в сознании индивида, а не результат коллективной работы.

Медиатеоретический анализ текстов Пономарева показывает особую роль примечаний, которые следует признать инструментом, наподобие лабораторных инструментов. Основной текст работ Пономарева выдержан в рамках советской научной традиции, где доминирует дискурсивное изложение, подчиненное идеологическим и методологическим требованиям (например, теории отражения). Однако примечания выполняют особую функцию: они позволяют автору выходить за рамки официального дискурса, вводя идеи, которые в основном тексте могли бы быть восприняты как спорные или даже идеалистические. В тексте он вводит метафорические конструкции («ветви», «полюсы», «монолит»), которые нейтрализуют возможные обвинения в формализме, сохраняя при этом теоретическую глубину. А в примечаниях Пономарев обсуждает скрытые механизмы творчества, такие как «дальное действие» в психологии (аналогия с физикой), подчеркивая важность временных задержек и микроинтервалов в мышлении. В примечаниях раскрывается критика упрощенных моде-

лей сознания, включая вопросы восприятия у животных и проблему репрезентации, что в основном тексте было бы сложно согласовать с марксистско-ленинской теорией отражения.

Анализ показывает, что в условиях советской науки авторы использовали разные уровни текста для выражения сложных идей. Основной текст выполнял дидактическую и пропедевтическую функцию, соответствуя институциональным требованиям. Примечания же служили пространством для методологических новаций, где можно было обсуждать гипотезы, выходящие за рамки догматических схем. Это подтверждает гипотезу о том, что советская наука вырабатывала особые механизмы легитимации знания, где примечания играли роль разрыва дискурса для непрямого и при этом интуитивно действующего, переходящего в непосредственное действия высказывания.

Пономарев и культурно-историческая психология имеет перспективы на будущее. В отличие от западных моделей, Пономарев, опираясь на традицию Выготского и Леонтьева, рассматривает сознание как динамическую систему, где творчество – не просто комбинаторика, а процесс, включающий зияния, разрывы и интуитивные скачки. Его идеи предвосхищают современные исследования когнитивных наук, особенно в части роли бессознательного в творческом мышлении. В примечаниях он закладывает основы для будущих открытий, например, обсуждая возможность неинтуитивных цифровых моделей сознания, но подчеркивая, что человеческое мышление всегда будет включать интуитивные компоненты.

Исследование демонстрирует, что работы Я. А. Пономарева представляют собой уникальный синтез строгой научной методологии и творческой свободы, реализованный через поэтику примечаний. Это позволяет рассматривать его наследие не только как вклад в психологию творчества, но и как пример стратегий производства знания в условиях идеологических ограничений.

Дальнейшие исследования могли бы углубить медиатеоретический анализ советской науки, в частности, изучить, как другие ученые использовали паратекстуальные элементы (сноски, приложения, редакторские комментарии) для выражения не прямых смыслов. Кроме того, перспективным направлением представляется сравнение моделей творчества Пономарева с современными нейрокогнитивными теориями, что позволит

уточнить его место в истории психологии. И мы видим, что примечания могут быть рабочим инструментом исследования, а не только частью аргументации, что позволит уточнить отношения между аргументацией и экспериментом/наблюдением в общем науковедении.

Библиографический список

1. Биbihин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 416 с.
2. Галкина Т. В. Яков Александрович Пономарев: некоторые результаты наукометрического анализа творческого наследия / Т. В. Галкина, А. Л. Журавлев, А. А. Костригин // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1 (124). С. 117–128.
3. Енина Л. В. Почти «прямой маршрут»: идеологические смыслы в конструировании заводской идентичности работников Уралмаша / Л. В. Енина, Н. Б. Граматчикова // Научный диалог. 2020. № 11. С. 31–52.
4. Зелинский Ф. Ф. Закон хронологической несовместимости и композиция «Илиады» // Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Феодора Евгеньевича Корша. Москва, 1896. С. 101–121.
5. Казимир Х. Воспоминания о 1929–1933 годах // Нильс Бор. Жизнь и творчество : сб. ст. Москва : Наука, 1967. С. 187–193.
6. Козьяков Р. В. Исторические традиции и современное состояние российской психологии профессионального креативного мышления // Человеческий капитал. 2023. № 11-1 (179). С. 106–116.
7. Котомина А. А. «Шестое чувство у слепых»: от измерения к протезированию // История науки и техники. Музейное дело. Периодическая таблица технологий: человеческий фактор : мат. XIII межд. научно-практ. конф. Москва : Политехнический музей, 2020. С. 331–341. EDN OXZHVM.
8. Котомина А. А. Кибернетика для слепых: чистая машина «Луч» в 1960-е гг. // История науки и техники. Музейное дело. Наука, технологии, общество: вызовы развитию в прошлом и настоящем : мат. XIV межд. научно-практ. конф. Москва : Политехнический музей, 2021. С. 122–124. EDN VYZBGQ.
9. Кукулин И. В. Периодика для ИТР: Советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 3. С. 61–85.
10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва : Политиздат, 1975. 304 с.
11. Лотман Ю. М. О семиосфере // Σημειωτική- Sign Systems Studies. 1984. Т. 17, № 1. С. 5–23.
12. Марков А. В. Содержательность смены медийной формы в пародийном романе Павла Асса и Нестора Бегемотова «Штирлиц, или Как размножаются ежики» // Сборник Матице Српске за славистику. 2021. Т. 99. С. 321–335. DOI 10.18485/ms_zmss.2021.99.19.

13. Марков А. В. Формирование философского канона в религиозно-идеалистическом самиздате // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 1. С. 89–116. DOI 10.17323/2587-8719-2022-1-89-116. EDN GJZFYD.

14. Моркина Ю. С. Социальный конструктивизм Д. Блура // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 154–159.

15. Моркина Ю. С. Сознание как антиномия (антиномичность понятия «сознание» и философия искусственного интеллекта) // Философия науки и техники. 2024. Т. 29, № 1. С. 20–33. DOI 10.21146/2413-9084-2024-29-1-20-33. EDN LCVKZF.

16. Орлова Г. А. Собирая проект: от составителя раздела // Шаги/Steps. 2016. Т. 2, № 1. С. 154–166.

17. Пономарев Я. А. Психология творчества : монография. Москва : Наука, 1976. 302 с.

18. Пономарев Я. А. Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / под ред. Д. В. Ушакова. Москва : Институт психологии РАН, 2006. 624 с. (Научные школы ИП РАН).

19. Попов Л. М. Концепция психологии творчества Я. А. Пономарева и ее применение в изучении саморазвития / Л. М. Попов, Е. Н. Ибрагимов, П. Н. Устин // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 1. С. 35–47. EDN VTPRZR.

20. Рубцов В. В. Наукометрический анализ культурно-исторического направления в научных публикациях 2009–2019 годов / В. В. Рубцов, А. А. Марголис, А. А. Шведовская, В. В. Пономарева // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 4. С. 119–132. DOI 10.17759/chp.2019150412. EDN XIACYJ.

21. Штайн О. А. Тело в мире медиатехнологий // Медиафилософия. 2010. Т. 5. С. 187–194.

22. Щедровицкий П. Г. К вопросу о формировании психологии личности на Западе // Философско-методологические проблемы социально-гуманитарного познания. Москва, 1983. С. 63–68.

Reference list

1. Bibihin V. V. Aleksej Fedorovich Losev. Sergej Sergeevich Averincev = Aleksey Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev. Moskva : Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006. 416 s.
2. Galkina T. V. Jakov Aleksandrovich Ponomarev: nekotorye rezul'taty naukometriceskogo analiza tvorcheskogo nasledija = Yakov Aleksandrovich Ponomarev: some results of scientometric analysis of creative heritage / T. V. Galkina, A. L. Zhuravlev, A. A. Kostrigin // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2022. № 1 (124). S. 117–128.
3. Enina L. V. Pochti «prjamoj marshrut»: ideologicheskie smysly v konstruirovanii zavodskoj identichnosti rabotnikov Uralmasha = Almost «direct route»: ideological meanings in the construction of the factory identity of Uralmash employees / L. V. Enina, N. B. Gramatchikova // Nauchnyj dialog. 2020. № 11. S. 31–52.
4. Zelinskij F. F. Zakon hronologicheskoi nesovmeshtosti i kompozicija «Iliady» = The law of chronological

incompatibility and the composition of the Iliad // Sbornik statej po filologii i lingvistike v chest' Feodora Evgen'evicha Korsha. Moskva, 1896. S. 101–121.

5. Kazimir H. Vospominanja o 1929–1933 godah = 1929–1933 Memories // Nil's Bor. Zhizn' i tvorcestvo : sb. st. Moskva : Nauka, 1967. S. 187–193.

6. Koz'jakov R. V. Istoricheskie tradicii i sovremenoe sostojanie rossijskoj psihologii professional'nogo kreativnogo myshlenija = Historical traditions and the current state of Russian psychology of professional creative thinking // Chelovecheskij kapital. 2023. № 11-1 (179). S. 106–116.

7. Kotomina A. A. «Shestoe chuvstvo u slepyh»: ot izmerenija k protezirovaniju = «Sixth sense in the blind»: from measurement to prosthetics // Istorija nauki i tehniki. Muzejnoe delo. Periodicheskaja tablica tehnologij: chelovecheskij faktor : mat. XIII mezhd. nauchno-prakt. konf. Moskva : Politehnicheskij muzej, 2020. S. 331–341. EDN OXZHVM.

8. Kotomina A. A. Kibernetika dlja slepyh: chital'naja mashina «Luch» v 1960-e gg. = Cybernetics for the blind: the luch reading machine in the 1960-s // Istorija nauki i tehniki. Muzejnoe delo. Nauka, tehnologii, obshhestvo: vyzovy razvitiiju v proshlom i nastojashhem : mat. XIV mezhd. nauchno-prakt. konf. Moskva : Politehnicheskij muzej, 2021. S. 122–124. EDN VYZBGQ.

9. Kukuljin I. V. Periodika dlja ITR: Sovetskie nauchno-populjarnye zhurnaly i modelirovanie interesov pozdnesovetskoj nauchno-tehnicheskoi intelligencii = Periodicals for ITR: Soviet popular science magazines and modeling of the interests of the late Soviet scientific and technical intelligentsia // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 3. S. 61–85.

10. Leont'ev A. N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. Moskva : Politizdat, 1975. 304 s.

11. Lotman Ju. M. O semiosfere = About the semiosphere // Σημειωτική-Sign Systems Studies. 1984. T. 17, № 1. S. 5–23.

12. Markov A. V. Soderzhatel'nost' smeny medijnoj formy v parodijnom romane Pavla Assa i Nestora Begemotova «Shtirlic, ili Kak razmnozhaetsja ezhiki» = The content of the change of media form in the parody novel by Pavel Assa and Nestor Begemotov «Stirlitz, or How Hedgehogs Breed» // Zbornik Matice Srpske za slavistiku. 2021. T. 99. S. 321–335. DOI 10.18485/ms_zmss.2021.99.19.

13. Markov A. V. Formirovanie filosofskogo kanona v religiozno-idealistskom samizdate = Formation of

the philosophical canon in religious-idealistic self-publishing // Filosofija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2022. T. 6, № 1. S. 89–116. DOI 10.17323/2587-8719-2022-1-89-116. EDN GJZFYD.

14. Morkina Ju. S. Social'nyj konstruktivizm D. Blura = D. Bloor's social constructivism // Voprosy filosofii. 2008. № 5. S. 154–159.

15. Morkina Ju. S. Soznanie kak antinomija (antinomichnost' ponjatija «soznanie») i filosofija iskusstvennogo intellekta = Consciousness as antinomy (antinomicity of the concept of «consciousness») and the philosophy of artificial intelligence // Filosofija nauki i tehniki. 2024. T. 29, № 1. S. 20–33. DOI 10.21146/2413-9084-2024-29-1-20-33. EDN LCVKZF.

16. Orlova G. A. Sobiraja proekt: ot sostavitelja razdela = Collecting a project: from the section compiler // Shagi/Steps. 2016. T. 2, № 1. S. 154–166.

17. Ponomarev Ja. A. Psihologija tvorcestva = Psychology of creativity : monografija. Moskva : Nauka, 1976. 302 s.

18. Ponomarev Ja. A. Psihologija tvorcestva: shkola Ja. A. Ponomareva = Psychology of creativity: school of Y. A. Ponomarev / pod red. D. V. Ushakova. Moskva : Institut psihologii RAN, 2006. 624 s. (Nauchnye shkoly IP RAN).

19. Popov L. M. Koncepcija psihologii tvorcestva Ja. A. Ponomareva i ee primenenie v izuchenii samorazvitiija = The concept of the psychology of creativity by Ya. A. Ponomarev and its application in the study of self-development / L. M. Popov, E. N. Ibragimova, P. N. Ustin // Psihologicheskij zhurnal. 2016. T. 37, № 1. S. 35–47. EDN VTPRZR.

20. Rubcov V. V. Naukometricheskij analiz kul'turno-istoricheskogo napravlenija v nauchnyh publikacijah 2009–2019 godov = Scientometric analysis of cultural and historical direction in scientific publications of 2009–2019 / V. V. Rubcov, A. A. Margolis, A. A. Shvedovskaja, V. V. Ponomareva // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2019. T. 15, № 4. S. 119–132. DOI 10.17759/chp.2019150412. EDN XIACYJ.

21. Shtajn O. A. Telo v mire mediatehnologij = The body in the world of media technology // Mediafilosofija. 2010. T. 5. S. 187–194.

22. Shhedrovickij P. G. K voprosu o formirovanii psihologii lichnosti na Zapade = On the question of the formation of personality psychology in the West // Filosofsko-metodologicheskie problemy social'nogumanitarnogo poznanija. Moskva, 1983. S. 63–68.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.